

«Красное знамя» Пятница, 5 декабря 1980 года

ТЕАТР

„НАМ БЫ ПРО ДУШУ НЕ ЗАБЫТЬ...“

...Спектакль Владивостокского ТЮЗа по неоконченной повести Шукшина «А проутру они просушусь» — не для школьников. Сложность проблематики, неоднозначность нравственных выводов, необычность места действия диктуют и определенный состав аудитории: это спектакль для студенчества, для рабочей молодежи, словом, для взрослых.

ТЮЗы взрослеют. Охваченные процессом, начавшимся не сегодня и столь же закономерным как детская акселерация, они постепенно вырастают из строго очерченных рамок школьной педагогики, вовлекая в сферу своего влияния самые различные категории зрителей, занимааясь «воспитанием воспитателей». «Аленький цветочек» с успехом соседствует в репертуарах с «Гамлетом», «Белоснежка и семь гномов» идет в очередь с «Борисом Годуновым», «Сказка о рыбаке и рыбке» сменяется «Жанной д'Арк». И обращение Владивостокского ТЮЗа к Шукшину — скорее продолжение общей тенденции, чем шаг в сторону.

Более того, в решении этого непростого, во многом спорного спектакля отчетливо прослеживаются черты преемственности — и в подходе к теме, и в публицистической направленности, и даже в некоторых приемах — с предыдущими работами театра, определяющими его лицо.

Не с комической медведьезливой сарказмой, когда выясняют свое местопребывание опущенные с похмелья пациенты, начинается в ТЮЗе действие. Прежде на сцену выходит социолог (Н. Коробов), выполняющий у Шукшина функцию чисто условную, своего рода прием, — и превращенный театром в одного из главных персонажей — фигуру от театра, лицо от автора, — что собирает собой все действие и будто собственной волей прокручивает ярлык, как вспышки, истории героев. Его слова, взятые из писем Шукшина, станут своеобразным эпитетом спектакля: «Этот

разговор о душе я захтел не вчера, не сегодня — давно. И не собираюсь пока слезать с этой темы...».

Разговор о душе... Наверное, именно так и можно было определить настроение неоконченной повести Шукшина, хотя, казалось бы, какое исследование души может быть в медведьезливом. Но за смешными историями, что, покуражившись, поерничав, покрывая, выложат социологу — а, может быть, себе? — перебравшие вчера «голубчики» встанет то зло, против которого волевал Шукшин — бездуховность. Своя ле, чужая, она больнее ранит и оставляет в душе неизгладимые следы. Вот в зависимости от степени «одушевленности» героев и дифференцируется наша к ним отношение, расползаясь в широкий спектр от презрения и ненависти до сочувствия и сопереживания.

Разговор о душе... Но тут, очевидно, следует и огорчить, ибо коварна проза Шукшина. При всей своей кажущейся театральности, яркости, сочности диалогов, напряженности конфликта она все же несет в себе тайну, нынешними режиссерами так и неразгаданную или разгаданную не до конца, — тайну авторской интонации. Сочетание острого юмора, богатейшего бытового юмора, с тонкой иронией, философской раздумчивой грустью отказывается очень трудным «состоянием» для передачи на сцене, и то и дело в спектаклях самых разных театров заметен перекося в ту или иную сторону.

В спектакле главного режиссера ТЮЗа Н. Коробова интонация и мысль Шукшина, очень верно почувствованная и заявленная в отрывках, обрамляющих действие, отдельных эпизодах, то прорывается, троясь своей искренностью, то будто уходит в песок, отряпывая комикованием, нещеприкрытой буффонностью.

Возможно, причина этого — стилистическая неоднородность спектакля: слабая стыковка ос-

новного действия и вставных новелл по настроению, характеру.

Режиссер выбрал прием, сам по себе интересный и достаточно неожиданный. Когда события происходят в медведьезливой обстановке, с их суровой аскетичностью (емкая и выразительная сценография художника-постановщика Н. Стороженко), действие решается в ключе бытовом, трагикомическом. Смешон розыгрыш, что устраивают заскушавшие «жамонты», смешны петушине наскоки сублинного Очкарика (А. Сыркин) на матерого глыбообразного Урку (С. Фомин). Но вот, подавившись игре, с неподдельным ужасом крикнет вдруг простоватый деревенский тракторист (С. Голубкин): «А не убила ли я кого-нибудь?» — и в зале установится секундная пауза. Не убила, но, может, мог бы убить, если уж настолько не помнит себя... Наверное, именно такие секундные паузы, «принципиальные» время от времени действия (реплики Мрачного — А. Хоменко — о любимой передаче «В мире животных», простодушие воцарясы пациентов «Нет, нет никакой таски»), и уравновешивают комический и публицистический полюса спектакля, придавая ему остроту и глубину.

Но вот в сценах воспоминаний героев уже иная пластика, иная стилистика, иной ритм. Будто переключением рычажка, действие мгновенно порывается в новое качество, становится условным, гротесковым. Со скоростью убыстренной киноленты прокручиваются перед нами прямо тут, на медведьезливом фоне, забываясь похождения перебравших вчера клисентов, а сами они, не сжимая казенных простыней, истово и бурно, с фонтанирующей выдумкой и тонким юмором помогают рассказчику воскресить вечерние события, разыгрывая их на свой лад.

Яркие, отточенные по форме зарисовки словно освещают собой предыдущие эпизоды, покоряют ошущением импрови-

зационности, сиюминутности творчества. Играют не только люди, примерная на себе по несколько масок, — играют предметы: ведро обращается в чемодан, топчаны образуют то купе поезда, то квартиру женщины...

Но в веселой этой круговерти теряется та горчинка, что неизменно сопутствует юмору Шукшина, и на время забывается заявленная тональность спектакля — «разговор о душе». Происходящее в большинстве случаев только смешно, и актеры, увлекаясь непосредственной атмосферой капустничества, иногда «педалируют» наш смех, оставляя в стороне другие задачи.

Но вот финал ставит все на свои места. Наполненная горечью и болью заключительная сцена сконцентрировала основные мысли и выводы всего полуторачасового действия. Этот эпизод, с огромной силой и мастерством сыгранный засл. арт. РСФСР Н. Щербатюком по язвотому за основу рассказу «Обида», обращен непосредственно в зал.

...Человека обидели. Обидели ни за что, походя, даже не замечая, что наносят смертельную рану его душе. Незамысловатая история в магазине, за которой — унижение человеческого достоинства, трагедия непонимания, выведет спектакль на новый виток, потрясет, захватит зрителей, придаст композиции и мысли законченность, зазвучит по-шукшински сильно и произительно.

Словом, спектакль — яркий, необычный, спорный — состоялся. Дело режиссера и актеров — довести его до уровня, когда замысел и его воплощение станут полностью адекватными. И тогда можно будет с полным основанием поставить в эпиграф слова Шукшина, в спектакле не звучащие, но определяющие его смысл и суть: «...Нам бы про душу не забыть. Нам бы немножко добрее быть... Мы один раз, уж так случилось, живем на свете...».

Н. БАРАБАШ